
Hievir
Срок

Hievir Hievir

Срок

https://litres.ru/74723932
SelfPub; 2026

Аннотация

Попаданец в тело младшего сына мелкого боярина получает дар: он видит над каждой головой срок смерти. Читал срок — минус месяц жизни. Сместил — минус год. А над всем родным погостом висит одинаковый глиф: десять дней, общая смерть, суд придёт дважды. И строки у него нет — он не вписан в книгу, и потому только он может встать в счёт за целый погост.

Содержание

Глава первая. Глиф 4
Глава вторая. Молитвенник 7
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Hievir
Срок

Глава первая. Глиф

Меня звали Дмитрий Лапин. Мне двадцать девять лет, я жил на пятом этаже, платил ипотеку и умер под маршруткой на Кольской.

Я помню, как свет фары вошёл в стекло, как запахло мокрой резиной, и как кто-то — не я — обернулся на этот свет на полсекунды раньше меня. Это «кто-то» и есть весь мой нынешний род: я проснулся в его теле, в его году, в его зиме.

Митя Вешняков. Шестнадцать лет. Младший сын Мины Вешнякова, боярина из пригородного погоста Заволочья, — то есть из того слоя местного общества, у которого есть конь, шуба, три холопа и горькая уверенность, что настоящие бояре живут южнее.

Первые сутки я лежал в горячке, и тело держало меня, как держит незнакомый пассажир: вежливо, но с недоверием. На третьи сутки горячка сошла, и мир вошёл в глаза, как вода в трюм, — и вместе с миром вошли они.

Глифы.

Так я их назвал, потому что по-местному им названия не было: никто в погосте не видел того, что видел я. Над каж-

дой головой висел знак. Не буква, не цифра, а что-то между: черта, под которой стояли два наклонных штриха, и всё это собрано в плотный тёмный крест, который не светился, не мерцал и не исчезал, когда я моргал. Он висел в полуметре над головой, чуть сбоку, как висит фонарь на кронштейне.

Над бабкой Манфемой, над головой, ещё тёплой от печи, стоял крест с чертой и одним штрихом.

Я тогда ещё не понимал систему. Я думал: это чьё-то имя, или болезнь, или грех. Бабка сидела у окна, пекла колобки, и я, шестнадцатилетний идиот в чужом теле, спросил её:

— Бабушка, а что это у тебя над головой?

— Что, внучек?

— Знак. Как полоса, и штрих под ней.

Бабка повернулась ко мне всем лицом. У неё было лицо человека, который раз в жизни видел что-то подобное, — лицо не страха, а узнавания.

— Один штрих, — сказала она ровно. — Скажи: один?

— Один.

— Тогда три дня, — сказала бабка. — Не печалься, внучек. Я старая. Успею домолбить пряжу.

Я решил, что горячу́сь. В тот вечер я лёг спать, уверенный, что глиф — это горячечный хвост, и он сойдёт вместе с ней.

Бабка умерла утром третьего дня. Умерла просто и тихо, как умирают старые: села в своё место, положила руки на прясло, и пряжа её была домолблена.

Я стоял над ней и не мог дышать. Не от горя — горе при-

шло позже, когда я узнал бабку поближе по её сундукам и по тому, как её оплакивал дом. А в первую минуту я не дышал, потому что над её головой глифа больше не было.

А над головой отца, вошедшего в горницу, висел глиф — черта, штрих, и под ними ещё два, ровно под ними, как вторая ступенька.

И над головой матери — такой же. И над головой старшего брата Ярополка — такой же. И над головой девочки-служанки, и над головой конюха, и над головой соседа, пришедшего оплакать бабку, — все до одного, как по линейке, как по заказу: черта, два штриха, вторая ступенька.

Одинаковый. У всей округи — один и тот же глиф.

Я вышел во двор, и во дворе у колодца стояла наша ключница, и над ней был тот же знак. Я прошёл по улице — те же. Я добрёл до погостной ограды — те же. Мужик вёз хворост: тот же. Ребятишки на льду: те же. Старик, которого вёз на санях: тот же.

Весь погост, все сто дворов, от старого до новорождённого — все носили один глиф: черта, два штриха, ступенька.

И если бабкин знак значил «три дня», —

— то у всего Заволочья срок один и тот же.

На десятый день, как я потом высчитал, стоя по колено в снегу под погостной оградой, весь этот мир собирался умереть разом.

Глава вторая. Молитвенник

Бабку хоронили на пятый день, по-нашему, по-вешняковски: с плачем, с лошадью, запряжённой задом наперёд, с медяками на воротах. Отец стоял столбом, мать держалась за брата, брат держался за копьё, — я один смотрел не на могилу, а над неё.

Ничего не изменилось. Глифы висели, одинаковые, у всех, как зимние флаги.

Дома, в тот же вечер, я нашёл то, что искал: бабкин сундук, в сундуке — её приданое, в приданом — книга. Не книга даже: тетрадь в досках, обтянутых кожей лося, с медной застёжкой в виде ложечки. «Молитвенник судов» — так было выжжено на доске, буквами в наших руках, теми самыми, какими у нас пишут в церквях: буквы как будто из шнура, переплетённого вдвое.

Я открыл её при свете лучины, при матери за стеной, при брате за печью, — и начал читать.

Первое, что сказал мне молитвенник: «Суды над людьми стоят. Кто видит суд — видит строку. Строка читается так: черта — срок в днях и годах; штрихи — чем суд придёт; ступени — сколько судов».

Три дня бабки: один штрих — одна причина, лёгкий суд, старость. Два штриха у отца, матери, брата и всего погоста — две причины, один срок. Две ступени — суд двоится: первый

— общий, второй — личный.

Второе, что сказал молитвенник: «Читавший строку платит месяцем жизни своей за каждый внятный срок. Переписавший строку платит годом».

Вот почему я не умру от старости до сорока, если буду пользоваться этим каждый день. Вот почему бабка, которая, судя по её сундукам, видела сроки всю жизнь, умерла в шестьдесят два.

И третье, самое важное, что сказал мне молитвенник, я прочёл на последней странице, которой никто из нашего рода, видимо, не доходил, потому что страница была чистой, как нетронутый снег:

«Своя строка не видится. Кто строки своей не имеет — тот в книгу не вписан. Кто не вписан — того суды не берут, покуда он за другого не вступится».

Я закрыл молитвенник и сидел с ним в руках, как сидят с чужим ребёнком, — и за стеной, за печью, в горнице, в сенях, во дворе, по всему погосту висели те же глифы: черта, два штриха, ступенька.

Десять дней. Две причины. Суд двоится: общий, потом личный.

Что за общий суд придёт на весь погост через десять дней? Вода? Мор? Пожар? Стена — войско?

Я пошёл к отцу.

Отец мой, Мина Вешняков, был человеком прямой, честной и глубоко заезженной судьбой: тридцать лет он платил

дань, кормил проезжих, судил соседей и растил двух сыновей, из которых старший был крепок и глуп, а младший — болен и умён. Тело Мити, в которое я попал, болело лет пять: золотуха, с ней не едят мяса, с ней не спят на холоде, с ней не ходят в ночь. Я был телесно свеж, но на мне был этот приговор — и это оказалось удобно: никого не удивило, что младший сын вдруг стал говорить странно.

— Отец, — сказал я ему в горнице, при матери, при брате, при открытой двери, потому что про это при закрытых дверях говорить нельзя. — Бабка умерла через три дня, как я сказал. Я вижу над людьми сроки. Над всей округой срок одинаковый. Через десять дней на погост придёт общий суд. Две причины. Ступенька есть: суд придёт дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.